

Горький сражается

О ПЯТЬ Товстоногов поставил в Большом драматическом Спектакле.

На этот раз — «Мещанин».

Открытие — всегда открытие; во дважды, трижды поражает оно, когда сделано там, где проходили тысячи людей. Когда открывают «Гамлета», «Горе от ума», «Ревизора», «Обыкновенную историю». Идешь на «Мещанин», и вспоминаешь школьное: «Бессеменов — представитель уходящего мира», «Нил — представитель авангардного класса» — цитаты, в свое время вызубренные на тот случай, если в экзаменационном сочинении «дадут Горького». И вообще — историческая пьеса...

А оказывается, все не так. Открытие. И как всякое открытие, его трудно понять и оценить сразу. К нему тоже надо привыкнуть. Поэтому — не анализ спектакля, а просто — о мыслях, которые он вызывает.

ПОЯВЛЕНИЕ хозяина дома, старика Бессеменова, предвещает жутким, огушительным скрипом двери его комнаты. Сначала скрипящие петли заставляют вздрогнуть зрителя. В конце спектакля и сам Бессеменов, толкнув перед собой дверь, оторопело прислушивается к этому протяжному скрипу — в нем теперь чувствуется что-то насмешливо-воинственное. Скрип двери сначала просто олицетворяет мир Бессеменовых, служит признаком его, но в конце концов выясняется, что больше всех давит этот скрип и пугает самого Бессеменова, лишь его одного. Нужна бездна изобретательности, чтобы случайную находку превратить в развернутый образ, «выжимая» из нее максимум возможного. Вот первое открытие спектакля: оказывается, мещанин Бессеменов сам по себе, как человек, вовсе не так уж плох. Он даже добр по-своему. И даже в сцене расплаты с квартиранткой Еленой Николаевной, когда Бессеменов скрупулезно высчитывает плату, он вовсе не малодушно свою проявляет, а утихо-

мирническую демонстрацию мелочности: «Вы думаете обо мне как о скупце? Что ж, думайте на здоровье... как бы говорит он. А зритель, его разчитавший «Мещанин», вдруг впервые вспоминает, что Бессеменов взял воспитанника; что Нилу грустно уходить от прилежного отца и драма этих людей становится понятной в своей простоте и человечности. Бессеменов артиста Е. Лебедева не злодей в этой драме, а ее жертва.

«Мещанин» — одно из самых распространенных «ругательных» слов нашей публицистики. Немало перьев источено сначала в борьбе с гипсовыми кощескими, затем — со всевозможным уклотом, холодаильниками, «собраниями сочинений в красивых обложках» и тому подобным. Кажется, мещанство обличено на всех уровнях. Но ведь не в кощечке-копидочке оно кроется. «Мещанин», писал Горький, — существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков, мыслей и в границах этого круга, мыслящее автоматически».

Вот эту суть мещанства и показывает нам спектакль. Дело не в самоваре (что ж теперь — и чаю не пить?), не в судачке (встроенной мебели не было в ту пору). Трагедия — в неумении думать другим способом, отгораживающимся от привычного, автоматического хода мыслей. И всегда, как только некий образ мышления станет устойчивым, найдутся такие ревностные его приверженцы, которые при малейших намеках на изменение в жизни и окажутся в лагере мещанства. Мещанство — не в укладе жизни, а в неспособности, в нежелании изменять его.

Да, мещанство может быть истинно честным, и Горький яростно сражался против разъяренных, оголтелых мещан в тех обстоятельствах, в каких они были безусловными врагами. Но сегодня, показывая мещанство и как личную трагедию самих носителей этого качества, театр неожиданно противопоставляет какое-то стеченье

современном зрителе, заставляя его обратить взгляд не только в сторону («А ну, кто тут мещанин?»), а и на себя, в самом себе пересмотреть что-то, мешающее жить достойно. И на поверку выходит, что этим своим человеческим изображением мещанина театр разоблачает его острее, колет больнее, чем ежени бы старик Бессеменов предстал перед нами в самом карикатурно-зловонном виде.

ЕЩЕ одно событие в спектакле — Нил. Послушайте хотя бы, какая серьезнейшая, истинная многозначительность в одной только реплике Нила, вернее — в интонации, с которой эту реплику произносит артист К. Лавров.

Вैसे так: «Нил (вставая со стула). Ничего вы не можете. Будет шуметь. В этом доме я тоже — хозяин. Я десять лет работал и заработок вам отдавал. Здесь, вот тут (топает ногою в пол и широким жестом указывает кругом себя) вложено мною не мало... Хозяин тот, кто трудится...»

«Вставая со стула», «топает ногою в пол» — все это предполагает, что Нил говорит какое-то очень важное, быть может, самые значительные в пьесе слова. И так оно и было для начала века, когда мысль эта была дерзкой, вызывающей, новой. Не просто слова — а лозунг, девиз. И так, с подчеркнутым пафосом и сегодня их надо было бы произносить, если бы играли пьесу историческую. Но Товстоногов показывает премьеру в 1967 году, и Лавров играет в 1967-м, и зрители — они тоже ведь находятся в 67-м... И потому Лавров произносит эту фразу, как нечто само собой очевидное, всем известное и понятное. Так, между прочим, добавляет сложный, достигший двояка: «а хозяин тот, кто трудится».

Нил Лаврова — простой рабочий парень, он пританцовывает, потому что ему хочется танцевать, он произносит само свои ударенные реплики

(на которых полвека держались все критические статьи и разборы пьесы), заложив, руки за спинку кушетки, вытянув ноги подожми к зрителю — этакая пара трепких половинок. Детронизация? Не надо бояться слов. Вот случай, когда все перевернуто, и именно это поднимает героя. Сбыжновенный из обыкновенных машинистов Нил, с его милаыми намерами, с его репликами, произносимыми недоуменным, будничным голосом, утверждает свои взгляды, как совершенно естественные, самой природе человека свойственные и потому только не заслуживающие пафоса. Пафос нужен был бы ему, если бы он воювал с Бессеменовым, но Бессеменов для него не враг, а старый человек со старыми взглядами, и мещанно нагрубый хозяину дома. Нил совершенно мотает головой — нехорошо, дескать, получилось. И хотя исторически-то Нилу еще воевать и воевать (напомним, что пьеса впервые поставлена в 1902 году) — для нынешнего Нила правда до того очевидна, что он может позволить себе не выпячивать слишком уж победителем.

КРОМЕ героев, обозначенных в списке действующих лиц, есть в этом спектакле еще один герой, пожалуй, самый главный. Его имя — Искусство.

Актеры играют неторопливо, основательно, лепят свои роли даже несколько задумчиво, а вместе с тем какая напряженность в паузах, какое точное чувство сценического времени, как все экономно, скупое! Спектакль выверен во всех направлениях — в цвете, в звуке, в движениях, в построениях сцен; но никогда эта выверенность не переходит в холодность, в расчетливость — все идет не от головы — от чувств жизни. И оттого, когда показывают на сцене грустную историю о безрадостных людях, зритель уходит из театра счастливым.

С. СОЛОВЕВИЧ.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ
ПРЕМЬЕРЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ
ПРЕМЬЕРЫ

„Комсомольская правда“ Москва 20 января 1967 год